

*Эта история о дружбе
посвящается Алексу Мюнцу*

Кто может назвать мертвым того, чьи
слова все еще вынуждают нас умолкнуть
и чьи чувства по-прежнему движут нами?

Клайв Баркер. Сотканный мир

Пасмурным зимним утром, где-то по дороге между Каркарой и Модесбахом, простенькая кибитка рассекала надвое заснеженное поле. Путь, проложенный в давние времена до Адоры и Вислы, идущий через Альрауну и Изворул-Бабей, дремал, притаившись под снегом, и лишь тот, кто уже бывал в здешних местах, знал, куда надо поворачивать и что лежит в каждой из сторон света – потому нередко случалось так, что тут или там какой-нибудь усталый пилигрим останавливался, потеряв ориентиры, и ждал, не покажется ли путешественник, едущий верхом, а то и, если удача смилостивится, ведущий в поводу еще одну лошадь, чтобы можно было поскорей убраться с этого поля.

Так уж вышло, что удача нашего путника притомилась и задержалась поблизости, чтобы отдохнуть: увидел он издалека кибитку и фигуру в длинном сером одеянии, восседающую на дощатом передке с поводьями в руках, правящую исхудалой клячей, которую годы не пощадил. Подъехав к путнику, возница остановил повозку и взмахнул костяной рукой – поприветствовал собрата по странствиям.

– Куда? – спросил он.

– В Альрауну, – тотчас же был ответ.

– А-а, Альрауна. Я как раз туда и направляюсь, дорогой путник, – проговорил возница и лишенными плоти пальцами указал на кучу ветоши и всякого тряпья у себя за спиной, где что-то было спрятано. – В тех стенах мне предстоит вернуть один тяжёлый долг.

– Подвезешь? – спросил путник.

– Я как иначе, дружище, как иначе?

Останься на черепе, что виднелся под капюшоном, хоть клочок кожи, эта кожа собралась бы складками, изображая улыбку.

– У сколько ты с меня возьмешь, славный возница? – спросил путник, в ответ на что скелет заявил, дескать, не время и не место для таких разговоров, лучше побыстрее забираться в кибитку, пока поле напрочь не засыпало снегом, а о плате можно поговорить и по дороге к стенам Альрауны.

– Смотри, возница, не обмани меня – не ровен час, запросишь больше, чем я могу дать.

Скелет заверил путника, что никогда не просит больше, чем человек может отдать, и вообще – его плата по силам любому.

– На дорогу уйдет пять дней, считая время на отдых и сон, – прибавил скелет, – только ты учти, дорогой путник, что я по натуре рассказчик, и мне нравится коротать долгий путь, повествуя байки выдуманные и байки правдивые, а моя выдумка может быть чьей-то правдой или наоборот, так что, коли запутаешься, кто есть

кто и о чем вообще речь, не пугайся – это всего лишь правдивая выдумка и выдуманная правда.

– Толика баек еще никому ни разу не навредила, – сказал путник и услышал, как скелет клацает зубами, торчащими из голых челюстей, – не от холода, а, судя по всему, от смеха. Путник замолчал и вознамерился слушать.

Забравшись на передок кибитки, на место подле скелета, он бросил взгляд назад, пытаясь по очертаниям догадаться, что скрывается под кучей тряпья. Не догадавшись, спросил:

– Что ты везешь братьям в Альрауне?

Но на это скелет ответил, дескать, не твое дело, дорогой пилигрим.

– Скверно смотреть назад, – прибавил он. – Ничего там нет хорошего. Лучше устремим взгляд свой зоркий – ох, прости, я только сейчас заметил, что у тебя только один глаз, – на дорогу, да наостри уши, ибо я поведаю тебе самую примечательную историю из всех, какие случались в этих краях.

– Это какую, возница? – спросил одноглазый.

– Я расскажу тебе про Альрауну, которая раньше звалась Мандрагорой¹, чтобы ты изведal историю города, прежде чем подъедешь

¹ Альраун — существо, обитающее в корнях растения мандрагора, согласно поверью, бытовавшему в Средневековой Европе. — В этой части здесь и далее прим.перевод.

к его воротам; расскажу, как воздвигли ее неустанным трудом потомки мэтрэгуны¹, а еще расскажу про Святого Шауша, защитника Мандрагоры – как он родился, рос и как отправился в Мир, воздвигать города, и, смею предположить, еще до того, как покажутся вдали городские стены, познаешь ты историю тайную и зримую как самой Мандрагоры, так и ее святого. Но не забывай, драгоценный мой путник: что одному выдумка, то другому – правда, и наоборот, так что коли запутаешься, кто есть кто и о чем вообще речь, не пугайся, ведь это всего лишь выдумка, то бишь самая правдивая правда.

– А как же плата? – опять осведомился путник, и услышал в ответ:

¹ Мэтрэгуна (*mătrăguna*) — в строгом смысле слова, румынское название белладонны (красавки). Однако исторически сложилось так, что оно используется в народе как синоним все той же мандрагоры, косвенным подтверждением чему может служить книга известного румынского историка и писателя Мирчи Элиаде «Zalmoxis, The Vanishing God» («Залмоксис, исчезающий бог»), изданная на английском языке: одна из ее глав именуется «Культе мандрагоры в Румынии», в то время как в стихах, приведенных параллельно на румынском и английском, встречается именно «мэтрэгуна». О причине путаницы с названиями двух растений нет единого мнения — возможно, дело всего лишь в том, что они по-румынски звучат похоже и оба имеют непосредственное отношение к магическим обрядам. Тем не менее, культовый статус имеет только мандрагора, она же — в этой книге — мэтрэгуна.

– Плату обсудим вечером, у костра, как нагрянет ночь. А до той поры молчи и слушай, что я тебе расскажу.

– Слушаю, возница, слушаю, только скажи мне вот о чем, чтобы я ведал: откуда тебе известно про жизнь и смерть Тауша и про эту его Мандрагору?

– Мне все это известно, потому что имя мое – Бартоломеус Костяной Кулак, славен я как грозный рассказчик и все видел сам. А теперь – слушай!

И вот так начал скелет свое повествование...

Часть первая

В которой предполагается...

Глава первая

В которой мы узнаем о том, как Тауш появился на свет в Крепости Духов и как все указывало на то, что быть ему знаменитым человеком; а еще — о трех знамениях, что сопровождали его рождение

Тауш родился в городе под названием Гайстерштат, и вошел он в Мир в то самое мгновение, которое появляется между днем и ночью и немедля исчезает — вот ты его видишь, чуешь, а вот оно взяло и сгнуло, — и прояви матушка хоть малую толику небрежности, она бы потеряла свое дитя, выскочило бы оно у ней меж бедер наружу и завершилась бы наша история еще до начала — раз, и все. Но повитухи, бабки древние и мудрые, знали, как надо держать младенца и какие слова следует нашептывать, чтобы прогнать окружившую его пустоту. Так что мгновение минуло, а Тауш остался.

Ох и рады были его мать и отец, ибо, видишь ли, оказался он их первым ребенком, и ему суждено было остаться единственным, а когда они узнали от повитух, что маленький Тауш родился в шапочке, то есть сделается известным человеком, да не в одном лишь Гайстерштате, великое веселье охватило дом. Мать его проклинала свои мучения, что длились часами — очень

уж трудно шли роды, как будто мир, в коем Тауш жил прежде жизни, был самым лучшим, а этот, снаружи, показался ему какой-то жуткой дырой, — но потом, узрев добрые знаки в нем самом и вокруг него, шепотом попросила прощения, и весь дом лил над ним слезы, и были то слезы радости.

Какие знаки, спрашиваешь? Ну, видишь ли, он еще даже не вышел целиком — половина его маленького тельца все еще оставалась внутри матери, — когда появился первый знак. Мучительные вопли роженицы и крики, которыми повитухи ее подбадривали — все это затихло, едва Тауш высунул голову в Мир, а те, кого в доме не было — люди на улицах, в домах и на рынках, — позже клялись и божились, что все в Мире остановилось: ветер улегся, животные притихли, дети бросили игры, люди умолкли, жучки-паучки замерли, небеса застыли и даже мысли оцепенели. Тишина воцарилась в Гайстерштате и окрестностях; люди и звери молчали, недвижимые, покуда Тауша не извлекли из утробы матери и не вложили ей в руки. И все вокруг, просыпаясь, боялись вернуться в этот мир, ибо обитель тишины, куда перенес их маленький Тауш, была слаще сладкого. Некоторые избрали своим уделом вечное молчание, больше не сказали ни словечка, а движения их стали редкими и скупыми — так сильна оказалась ностальгия по тем мгновениям, когда Тауш, высунув голову из материнского лона, решил с горечью, что в Мире слишком много шума.

И был еще один знак, через несколько дней после рождения, когда все в Гайстерштате проснулись утром

